

Лао Ай находился в том самом безрассудном возрасте, когда юноши не признают никаких авторитетов. И всё же в эту пору любые глупости и легкомыслие, которые зрелому человеку покажутся верхом неприличия, воспринимаются лишь как бурлящая через край жизненная сила.

Лао Ай, очарованный утончённой красотой Цинь Цычу, подался вперёд, повинувшись слепому порыву близости. Он склонился ниже, но, подняв взгляд, наткнулся на пару чудовищных глаз.

Он никогда не видел ничего подобного: у младенца были двойные зрачки!

Лао Ай оцепенел от ужаса. Отпрянув, он с глухим стуком повалился на спину, растянувшись на полу. Спину мгновенно прошиб холодный пот, намокшая нижняя рубаха неприятно липла к коже, а сквозняк, ворвавшийся в щели, заставил его крупно дрожать.

«Это отродье — точно переродившийся злой дух!»

Тяжело и прерывисто дыша, Лао Ай заворожённо уставился в бездонную черноту глаз Ин Чжэна. Он сидел на земляном полу, не смея пошевелиться. Руки и ноги налились свинцовой слабостью, страх парализовал волю — он не мог даже отползти.

Ин Чжэн едва заметно приподнял уголок губ в презрительной усмешке. Его нимало не заботило, насколько жутко выглядит подобная мимика на лице новорождённого младенца.

Заметив это движение, Лао Ай задрожал ещё сильнее, окончательно потеряв рассудок от ужаса. В его воображении уже рисовалась картина, как жуткий демон разрывает нежную младенческую плоть, прыгает на него и пожирает живьём.

Увидев жалкое зрелище, которое представлял собой Лао Ай, Ин Чжэн шевельнул крошечными, пока ещё совсем слабыми пальцами. Он крепко вцепился в изящную ладонь Цинь Цычу и, удовлетворённо прикрыв глаза, погрузился в сон.

"Лао Ай... Ты всегда был ничтожеством"

"Даже когда ты заимел от Чжао Цзи двоих ублюдков и прибрал к рукам власть, твой кругозор и трусость выдавали в тебе лишь дешёвого паяца. Жалкий шут, не заслуживающий и капли тревоги"

Пока младенец безмятежно спал, перепуганный Лао Ай просидел на полу половину ночи, боясь сделать даже вдох. Лишь когда небо на востоке подёрнулось предрассветной серостью, он заставил своё затекшее, окоченевшее тело подняться. Кое-как встав, он едва ли не на четвереньках выкатился из комнаты.

— М-м-м?.. — сонно пробормотал Цинь Цычу.

Разомкнув веки, он покосился на лежащего рядом сына и резко сел. Его длинные пальцы привычным, быстрым движением распутали пелёнки, добравшись до самодельного подгузника.

На лице Цзычу проступила мягкая улыбка.

— Так ты просто обмочился, — тихо рассмеялся он. — Хотя бы опрелостей не случилось. Эх, малыш... Запечатлеть бы этот момент на память. Вырастешь — покажу тебе, то-то будет потеха.

Отложив мокрую ткань в сторону, он оглядел постель, взял кусок чистой тонкой полотняной ткани, разорвал её на несколько частей и аккуратно сложил стопкой. Но стоило ему потянуться к Ин Чжэну, чтобы запеленать его заново, как движения его замедлились. Он в нерешительности замер.

— Или... сначала нужно подмыть тебя? — с сомнением пробормотал он.

Ин Чжэн уже проснулся и теперь молча созерцал отца. Цзычу, встретившись с ним взглядом, почему-то почувствовал, как к щекам приливает краска. Младенец хмурил крошечные надбровные дуги, его пухлые губы были приоткрыты, а необычные тёмные глаза с двойными зрачками смотрели так выразительно и прямо, что напоминали забавного щенка хаски. Цзычу показалось, будто сын сердится на его родительскую неумелость.

"Какое-то странное чувство... Неужели моя одержимость этим великим человеком достигла такого уровня, что у нас открылся ментальный канал связи?"

Цинь Цзычу со смущением отложил чистую ткань и ласково погладил Ин Чжэна по круглому, тёплому животику.

— Пойду спрошу, есть ли горячая вода, — мягко произнёс он. — Лучше сначала протереть тебя, а потом пеленать. Иначе подхватишь какую-нибудь заразу.

С этими словами он поспешно вышел из комнаты, оставив Ин Чжэна одного. Младенец завозился на мягком тюфяке, перевернулся набок и в бессильной злобе укусил край одеяла.

"Да как он смеет?! Видеть Великого Императора в столь унижительном положении, да ещё и строить планы, как будет насмехаться надо мной в будущем..."

Щёки пухлого младенца залил густой румянец. Он отчаянно пытался совладать со своим непослушным телом, неуклюже ворочаясь в складках постели, точно крошечная черепаха.

Оказавшись снаружи, Цинь Цзычу осторожно прикрыл за собой дверь. Ветхая лачуга, которую им уступил Лао Ай, защищала от сквозняков чисто символически, но даже такая преграда была лучше ледяного ветра. Первый месяц года ещё не подошёл к концу, стояли лютые холода. Цзычу беспокоился: без тепла его собственного тела малыш Ин Чжэн мог запросто

простудиться.

Восторг от личной встречи с величайшей личностью в истории Китая постепенно угасал, уступая место суровой реальности. Тащить на руках упитанного младенца весом в несколько цзиней весь остаток дня — испытание, способное отрезвить любой, даже самый пылкий разум. И хотя Цзычу не переставал поражаться необычности своего сына, теперь он чётко осознавал: перед ним лежал просто маленький А-Чжэн, а вовсе не грозный император Цинь Шихуанди.

Этот ребёнок принадлежал только ему.

Цзычу твёрдо решил отбросить условности этого мира и передать мальчику все знания, которыми владел сам. Общение с Люй Бувэем и Чжао Цзи быстро дало ему понять, насколько глубока пропасть между ним и людьми этой эпохи. Ему суждено было остаться одиноким чужаком — здесь не было никого, кто мог бы разделить его мысли и ценности.

Но смириться с этим он не мог.

"Я найду того, с кем смогу говорить без утайки. Иначе все эти годы в эпохе Сражающихся царств превратятся в непрекращающийся кошмар под маской фальши и вечного страха за свою жизнь"

"Если я закроюсь в себе, это будет не жизнь, а жалкое выживание. И даже самые светлые дни обратятся в изощрённую пытку"

— Ты чего выскочил? Тоже испугался этого беса? — раздался за спиной хриплый голос Лао Ая.

Тот стоял совсем рядом. В бледном, призрачном свете луны его осунувшееся лицо отливало мертвенной желтизной. Он выглядел как оживший мертвец. Цзычу, выросший в век научного прогресса и никогда не веривший в мистику, невольно вздрогнул от этого зрелища.

Он уставился на Лао Ая во все глаза, не в силах вымолвить ни слова.

Сделав глубокий вдох, Цзычу выдохнул скопившееся в груди напряжение и недовольно покачал головой:

— Не мели чепухи. У тебя есть горячая вода? Мне нужно.

Лао Ай собирался было возразить, но его взгляд скользнул по воротнику собеседника и замер на обнажённом участке шеи — белой, гладкой и нежной. Слова застряли у него в горле. Разве может настоящий мужчина признаться в трусости перед столь прекрасным юношей?

Он расправил плечи и принял как можно более уверенный вид:

— Воды захотел? Хм, благородные господа так изнежены... Обязательно им подавай кипячёную. Только дрова зря переводить.

— Вообще-то, мне нужно подмыть сына, он только что обмочился, — с ноткой родительской гордости поправил его Цзычу, разом обрвав все высокопарные речи Лао Ая.

Горячая вода для демона?!

Хотя... разве демоны пачкают пелёнки?

Лао Ай мотнул головой, пытаясь упорядочить мысли. Должно быть, из-за беспутных ночей со здешними девками у него просто помутилось в глазах, вот и почудилось всякое в темноте. Наверняка младенец обычный, а страх был лишь плодом его воображения.

Страх отступил, и Лао Ай вновь вспылал смелостью. Он нагло придвинулся ближе, обдав Цзычу жарким дыханием:

— Ладно, я согрею воду. Ты приберёшь за малым, а то, что останется, пригодится нам обоим... когда закончим, чтобы смыть грехи.

Цзычу даже бровью не повёл на эту пошлость. С холодным равнодушием он прошёл мимо него к углу двора, подхватил тяжелую деревянную бадью, зачерпнул воды из чана и направился обратно к дому.

Лао Ай преградил ему дорогу. Изнеженный принц, никогда не знавший тяжёлого труда, не мог тягаться силой с уличным оборванцем. Одним резким движением Лао Ай вырвал ведро из рук Цзычу. Вода с плеском перелилась через край, окатив Цзычу с ног до головы.

Ледяной порыв ветра заставил его мгновенно задрожать всем телом.

— Иди в дом, — тут же засуетился Лао Ай. — У меня в сундуке найдётся пара старых вещей.

Он плотоядно окинул взглядом промокшего Цзычу и тихо, с ухмылкой прошептал:

— А ты в этом мокром платье выглядишь куда соблазнительнее. Такой хрупкий, беззащитный... Это тебе идёт куда больше, чем маска скорбящего вдовца.

Словесные домогательства ничуть не задели Цзычу. Не желая тратить силы на бессмысленные споры, он лишь строго наказал:

— Как согреешь, проверь пальцем. Вода не должна быть слишком горячей. Кожа у А-Чжэна

нежная, легко сжечь.

Лао Ай разочарованно фыркнул, толкнул его в комнату, а сам поплёлся к очагу за домом разводить огонь.

Подол и пояс платья Цзычу насквозь пропитались ледяной водой. Сменную одежду он изорвал ещё по дороге, заметая следы, так что выбора у него не оставалось — либо облачиться в обноски Лао Ая, либо остаться нагим. Но разве могли вещи простого людина сравниться с изысканными шелками царского внука? Из скудных пожитков Лао Ая нашлась лишь грубая короткая рубаха с узкими рукавами и штаны из жесткого полотна. Одевание мало того что кололо кожу, так ещё и оказалось безбожно велико. Цзычу пришлось обернуть поясной шнур вокруг талии дважды, чтобы штаны не свалились.

Ин Чжэн внимательно наблюдал за тем, как отец меняет одежду, и удивление его нарастало. Он уже понимал, что этот человек отличается от его прежнего отца, но не ожидал, что разница окажется столь разительной. Сходство ограничивалось лишь чертами лица.

"Этот Цзычу молод, статен и полон сил. Его тело дышит первозданной энергией, подобно молодому древесному побегу"

"Тот Ижэнь, которого я помнил из прошлой жизни, был обрюзгшим, дряблым и немощным. Годы придворных пиров и разврата превратили его в пустую оболочку, истощённую пороками"

"Мой... отец... по-настоящему прекрасен"

— Ого! — присвистнул вернувшийся Лао Ай, окинув Цзычу восхищённым взглядом.

В мужском платье тот выглядел на удивление статно. Потирая подбородок, парень обошёл его кругом и бесцеремонно ткнул пальцем в растрёпанные волосы:

— Тебе бы волосы повыше собрать. С таким лицом любой наряд к месту — хоть девой назови, хоть прекрасным юношей!

Поставив таз с тёплой водой у постели, Лао Ай внезапно подался вперёд и повалил Цзычу на циновки, нависая сверху всей своей массой. Потянувшись губами к его шее, он шумно втянул воздух и хрипло зашептал:

— Слышал я, у правителя царства Вэй есть смазливый фаворит... Никогда не заглядывался на мужиков, но ради такой красоты грех не попробовать, каков на вкус мужчина.

— Вот как? — тихо переспросил Цзычу.

Лао Ай довольно ухмыльнулся, многозначительно прижимаясь к его бедру:

— Ещё бы.

— Тогда отпусти меня. Я ведь тоже мужчина.

На губах Цзычу заиграла ослепительная улыбка, а в руке блеснула сталь. Холодное лезвие острого ножа упёрлось ровно в то место между ног Лао Ая, что уже успело налиться жаром.

Только мужчина знает, куда бить больнее всего. Прижми Цзычу клинок к его горлу, Лао Ай, возможно, взбунтовался бы, ведомый уличной гордостью. Но когда под угрозой оказалось его мужское достоинство, вся его спесь мгновенно испарилась.

Парень ошарашенно уставился на него, отказываясь верить, что это изнеженное, хрупкое создание с шелковистой кожей на самом деле принадлежит к его полу.

Цзычу не стал ждать, пока тот примет очевидное. Отвернувшись к окну, он громко позвал:

— Господин, вы долго собираетесь там стоять? Ждёте, пока рассветёт?

Дверь со скрипом отворилась, и в комнату с виноватым видом вошёл Чжан Ли.

— Прошу прощения, молодой господин, — вполголоса пробормотал он. — Со мной пришли люди, которым нельзя доверять. Пришлось выждать, чтобы они ничего не заподозрили.

Цзычу понимающе кивнул и, не снимая с лица любезной улыбки, ловким движением запихал грязную мокрую ткань, только что снятую с младенца, прямо в разинутый рот онемевшего Лао Ая.

<http://bllate.org/book/18277/1750291>